А.Н. ТРОЕПОЛЬСКИЙ
(Российский государственный университет им. И. Канта)

О познавательном статусе кантовской метафизики чувственного

История философии показывает, что абсолютный результат стихийного развития этой науки проявляется не столько в однозначном решении глубоких философских проблем выдающимися учеными, сколько в постановке новых проблем. Как правило, предложенные решения философских проблем со временем обнаруживаются как преходящие, относительные, а в «сухом непреходящем остатке» остается постоянно расширяющееся множество нетривиальных философских проблем, сформулированных гениями философской мысли. Эта закономерность проявилась и в творчестве великого Канта.

Кант был далеко не первым философом, который занимался проблемами метафизики, а его критическую философию вряд ли можно отнести к философским системам классического типа[1]. Однако вряд ли кто-то станет оспаривать, что его взгляды на предмет, концептуальный аппарат, задачи и цели этой дисциплины оказались более основательными, чем у его предшественников, и являются актуальными для современных исследователей данной области философии.

В свете описанной закономерности мы покажем, что нетривиальным результатом критической философии Канта является постановка им проблемы различения метафизики чувственного и метафизики сверхчувственного, а ее преходящим

[1] Известно, что Канту докритического периода принадлежит высказывание: «Дайте мне материю, и я покажу, как из нее возник мир». Поэтому философию докритического Канта, на наш взгляд, можно рассматривать в качестве философии классического типа. Однако этого нельзя сказать о его философии критического периода, где проблемы метафизики возникновения мира им не рассматриваются.

результатом — решение Кантом проблемы познавательного статуса метафизики чувственного.

Кант делит метафизику на метафизику природы (метафизику чувственного[2]. — *А.Т.*) и метафизику нравов (метафизику сверхчувственного. — *А.Т.*): «Априорное познание, рассмотрение которого служит лишь средством, а не составляет цель этой науки, а именно то познание, которое, хотя оно утверждено *a priori,* может найти для своих понятий предметы опыта, мы можем отличить от того познания, которое составляет ее цель, объект которого находится за пределами всякого опыта и к которому метафизика, начиная с первого рода познания, не столько переходит, сколько пытается перескочить, так как оно отделено от первого неизмеримой пропастью. Аристотель со своими категориями держался почти исключительно первого рода познания (то есть метафизики чувственного. — *А. Т.*), Платон со своими идеями стремился ко второму роду познания» (то есть к метафизике сверхчувственного. — *А. Т.*)» [2, с. 242—243]. Метафизику чувственного Кант по-другому называет онтологией, а ее соотношение с метафизикой сверхчувственного, роль и значение характеризует следующим образом: «Онтология — это наука (часть метафизики), составляющая систему всех рассудочных понятий и основоположений, поскольку они относятся к предметам, которые даны чувствам и, следовательно, могут быть удостоверены опытом. Она не касается сверхчувственного, а ведь именно сверхчувственное есть конечная цель метафизики; поэтому онтология причисляется к метафизике только как пропедевтика, как преддверие подлинной метафизики». Поскольку онтология, по замыслу Канта, содержит в себе «условия и первое начало

---

[2] Выражение «метафизика чувственного» следует понимать здесь как указание на метафизику, необходимую для познания чувственного, то есть природы, так как Кант утверждает, что «метафизика — это наука, служащая для того, чтобы с помощью разума идти от познания чувственно воспринимаемого к познанию сверхчувственного» [2, с. 180].

всякого нашего априорного познания», то Кант называет ее также «трансцендентальной философией» [1, с. 180—181].

Основные положения метафизики природы (метафизики чувственного) сформулированы Кантом в критический период его творчества и нашли свое выражение в «Критике чистого разума» (1781), в «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука» (1783), в «Метафизических началах естествознания» (1786), в работе «О вопросе, предложенном на премию Королевской Берлинской академии наук в 1791 году: Какие действительные успехи сделала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа?», которая, как известно, была издана уже после смерти Канта, а также в труде «Об основанном на априорных принципах переходе от метафизических начал естествознания к физике» (1798—1803).

Поставим вопрос: научна ли кантовская онтология? Для четкого ответа на этот вопрос необходимо выяснить, имеется ли в ней твердое ядро, то есть необходимые истинные высказывания, репрезентирующие в себе знание. Но для этого сначала нужно провести границу между знанием и верой и описать признаки научного знания.

Для прояснения ситуации обратимся к истории вопроса. Как известно, уже античные философы различали знание в статусе эпистемы и знание в статусе доксы. Знание в статусе эпистемы представляется в языке в виде аподиктических, то есть необходимо истинных, суждений, истинность которых признается всеми здравомыслящими людьми, в то время как знание в статусе доксы, то есть мнения, выражается в виде необходимых, необщезначимых суждений, то есть в виде таких суждений, которые одними людьми признаются истинными, а другими — ложными. Кант также анализировал это различие. «Мнение, — пишет он, — есть сознательное признание чего-то истинным, недостаточное как с субъективной, так и с объективной стороны. Если признание истинности суждения имеет достаточное основание с субъективной стороны и в то же время считается объективно недостаточным, то оно назы-

вается верой. Наконец, и субъективно и объективно достаточное признание истинности суждения есть знание» [1, с. 673].

В дальнейшем под научным знанием везде будет пониматься информация, полученная на основе эффективных и общезначимых методов, а под верой — информация, полученная без применения этих методов. Научное знание принято делить на априорное и апостериорное. Последнее представляет эмпирическую составляющую научного знания. Однако метафизическое знание не имеет эмпирической составляющей и является исключительно теоретическим.

Из разъяснений понятия «вера» следует, что одно и то же высказывание, для которого отсутствует эффективная и общезначимая процедура установления его истинности, для одного человека может считаться истинным, а для другого — ложным. Отсюда следует, что высказывания, в которых объективируется вера, обладают познавательным значением, поскольку мы оцениваем их в терминах «истинно» и «ложно». Данные разъяснения полностью распространяются и на сингулярные экзистенциальные метафизические высказывания, в которых утверждается либо отрицается внешнее, то есть онтологическое, существование отдельных метафизических сущностей. Например, очевидно, что для экзистенциального метафизического высказывания «Бог-Отец существует» отсутствует эффективная и общезначимая процедура установления как его необходимой истинности, так и его необходимой ложности. Следовательно, для одних людей оно может быть истинным, а для других — ложным, но для тех и других будет иметь познавательное значение. Аналогичным образом обстоит дело с тезисом Б. Спинозы «субстанция causa sui существует» и т. п. Во всех этих случаях суждения следует рассматривать как имеющие познавательное значение.

Отсутствие эффективной, общезначимой процедуры обоснования необходимой истинности некоторого высказывания не делает его автоматически репрезентатором веры. Это полностью относится к высказываниям о существовании метафи-

зических сущностей-первоначал (Бога, абсолютной идеи, субстанции causa sui и т.д.). Чтобы высказывание о существовании метафизической сущности-первоначала стало репрезентатором веры, необходимо, чтобы ситуация, которая описывается в высказывании, входила в ценностное поле человека и побуждала его волю приписать определенное истинностное значение данному высказыванию на основе его ценностных установок не только в границах практического разума для укрепления моральных максим, как это имеет место у Канта, но и в границах теоретического разума в ориентации на использование в теоретической философии возможности признания онтологического существования метафизической сущности при ее непротиворечивой мыслимости.

При отсутствии у познающего субъекта теоретической или практической мотивации приписывания истинностного значения сингулярному метафизическому высказыванию данное высказывание может просто выражать феномен незнания, или, как выражается Р. Карнап, «чувство жизни человека» [5, с. 87—89].

Представленное выше уточнение понятий «научное знание» и «вера» является адекватным для анализа познавательного статуса метафизики чувственного и метафизики сверхчувственного у Канта, так как, согласно Канту, «критика чистого разума... делением законодательствующей метафизики на два отдела (метафизику чувственного и метафизику сверхчувственного. — *А.Т.*) преодолела и деспотию эмпиризма, и анархическое бесчинство неограниченной филодоксии»; здесь Кант под филодоксией в философии понимает «любовь к мнимому знанию, к видимости знания вместо любви к знанию истинному» [1, с. 255], а под деспотией эмпиризма — ограничение познания знанием, полученным лишь на основе опыта.

В данном случае Кант имеет в виду, что философы-эмпирики считают научным знанием лишь информацию в статусе эпистемы, полученную опытным путем, а философы-филодоксы согласны довольствоваться информацией в статусе док-

сы. Поскольку Кант считает, что опыт сам по себе сообщает знанию лишь сравнительную всеобщность и необходимость, то подлинно научное знание, по Канту, должно быть априорным знанием, так как лишь априорное знание является абсолютно необходимо истинным знанием. Такое понятие знания следует иметь в виду при решении фундаментального вопроса о возможности конституирования метафизики в статусе науки.

Теперь оценим научность метафизики чувственного в критической философии Канта. Согласно Канту, онтология есть наука об априорных понятиях и основоположениях разума, которые корректно применять лишь к чувственным предметам и которые при таком применении показывают субъекту познания, как возможен сам опыт, как возможна сама природа в формальном смысле и, следовательно, как возможно чистое естествознание. К числу таких априорных принципов познания Кант относит, например, понятия причины и действия и связанное с ними априорное основоположение чистого естествознания: «Все изменения происходят по закону связи причины и действия» [1, с. 258]. Понятие причины не может возникнуть у субъекта познания посредством обобщения опытных данных; человек усваивает это понятие до всякого опыта по мере овладения языком, а затем в практике взаимодействия с природным предметным миром подводит под него природные чувственные предметы, в результате чего у познающего субъекта возникают строго необходимые суждения о чувственных предметах природного мира. С этой целью Кант в своих «Пролегоменах...» проводит различие между суждениями восприятия и суждениями опыта: «Прежде всего мы должны заметить, что хотя все суждения опыта эмпирические, то есть имеют свою основу в непосредственном восприятии чувств, однако нельзя сказать обратное, что все эмпирические суждения тем самым суть и суждения опыта; чтобы им быть суждениями опыта, для этого к эмпирическому и вообще к данному в чувственном созерцании должны еще быть присовокуплены особые понятия, совершенно *a priori* берущие свое начало в

чистом рассудке; каждое восприятие должно быть сначала подведено под эти понятия и тогда уже посредством них может быть превращено в опыт.

Эмпирические суждения, поскольку они имеют объективную значимость, суть ***суждения опыта****; если же они имеют лишь субъективную значимость, я называю их* ***суждениями восприятия****.* Последние не нуждаются ни в каком рассудочном понятии, а требуют лишь логической связи восприятий в мыслящем субъекте. Первые же всегда требуют кроме представлений чувственного созерцания еще особых, первоначально произведенных в рассудке понятий, которые и придают суждению опыта объективную значимость.

Все наши суждения сперва только суждения восприятия: они значимы только для нас, то есть для нашего субъекта, и лишь после мы им даем новое отношение, а именно отношение к объекту, и хотим, чтобы они были постоянно значимы и для нас и для всех других; ведь если одно суждение согласуется с предметом, то и все суждения о том же предмете должны согласоваться между собой, так что объективная значимость суждения опыта есть не что иное, как его необходимая общезначимость. Но и наоборот, если у нас есть основание считать суждение необходимо общезначимым (это зиждется не на восприятии, а всегда на чистом рассудочном понятии, под которое восприятие подведено), то мы должны признать его и объективным, то есть выражающим не только отношение восприятия к субъекту, но и свойство предмета» [3, с. 115—116]. Далее Кант продолжает: «Таким образом, объективная значимость и необходимая общезначимость (для каждого) суть взаимозаменяемые понятия, и хотя мы не знаем объекта самого по себе, но когда мы рассматриваем суждение как общезначимое и, стало быть, необходимое, то под этим мы разумеем объективную значимость... суждения опыта заимствуют свою объективную значимость не от непосредственного познания предмета (которое невозможно), а только от условия общезначимости

эмпирических суждений: общезначимость же их, как было сказано, зависит не от эмпирических и вообще не от чувственных условий, а всегда от чистого рассудочного понятия. Объект сам по себе всегда остается неизвестным; но когда связь представлений, полученных от этого объекта нашей чувственностью, определяется рассудочным понятием как общезначимое, то предмет определяется этим отношением и суждение объективно» [3, с. 116—117].

Для иллюстрации применения рассудочных понятий причины и действия и различения суждений восприятия и опыта Кант приводит следующий «более легкий» пример. Суждение «Когда солнце освещает камень, он становится теплым» является, по Канту, «не более как суждением восприятия и не содержит никакой необходимости: как бы часто я и другие это ни воспринимали... Если же я говорю: солнце *нагревает* камень, то здесь мы кроме восприятия имеем еще рассудочное понятие причины, *необходимо* связывающее с понятием солнечного света понятие теплоты, и синтетическое суждение становится необходимо общезначимым, следовательно, объективным и из восприятия превращается в опыт» [3, с. 119].

Проанализируем познавательное значение кантовской онтологии как метафизики чувственного. Выше мы видели, что в само́м определении онтологии Кант называет ее наукой.

Изложим принципы научности, сформулированные Кантом в его «Пролегоменах...» и примененные им к анализу научности метафизики сверхчувственного, на современном методологическом уровне следующим образом:

1) научное знание должно оперировать непустыми понятиями;

2) оно не должно быть изложено противоречиво;

3) необходимая истинность синтетических суждений научной теории должна быть обоснована в результате применения к ним некоторой общезначимой и эффективной процедуры.

В связи с задачей выявления научного статуса кантовской онтологии приме́ним эти принципы к ней.

Согласно первому принципу, онтология Канта должна содержать исключительно непустые рассудочные понятия. По Канту, трансцендентальная таблица рассудочных понятий содержит 12 таких понятий, объединенных по признакам количества, качества, отношения и модальности в 4 группы по 3 понятия в каждой группе. Эти понятия должны применяться исключительно к предметам возможного опыта. Поскольку в возможном опыте имеются предметы, соответствующие данным понятиям, то объемы этих понятий в таком своем применении не пусты. Отсюда следует, что и рассмотренное нами понятие «причина», входящее в группу понятий, выделенных Кантом по принципу «отношение», также не является пустым в своем применении.

Согласно второму принципу в онтологии Канта не должно содержаться противоречий. И действительно, можно утверждать, что по крайней мере в явном виде они в этом учении не содержатся. Правда, выделенные Кантом рассудочные понятия, в том числе и понятие «причина», как априорные понятия до применения к предметам опыта являются пустыми, а после применения к предметам опыта становятся непустыми. Однако в данном случае речь идет о пустоте и непустоте одних и тех же понятий в разное время и в разном отношении, что подчиняется закону непротиворечия. Тем не менее получается, что Кант в основу своей теории кладет априорные и, как подчеркивает сам философ, пустые понятия, что свидетельствует о невыполнении первого принципа научности. Поэтому для выполнения первого требования научности Канту необходимо было бы сначала показать, что априорные рассудочные понятия не пусты; например, показав, что в их объемах мыслятся сверхчувственные, нефизические сущности; ведь в противном случае априорное основоположение «Все изменения происходят по закону связи причины и действия» не будет иметь истинностной оценки и, следовательно, никакого познавательного значения.

Наконец, согласно третьему принципу научности необходимая истинность синтетических суждений онтологии, в том

числе и ее основоположений, должна обосновываться существованием в ней эффективной и общезначимой процедуры, позволяющей *a priori* устанавливать истинность этих суждений.

Здесь возникает интересная ситуация. Согласно Канту, роль таких эффективных и общезначимых процедур в его онтологии выполняют процедуры подведения чувственных восприятий под чистое априорное понятие «причина», а также дедукция чистых рассудочных категорий и основоположений, которые инвариантны для всех людей. Это означает, что под понятия «причина» и «действие», между которыми существует необходимая связь, подводятся соответствующие чувственные восприятия, в результате чего исходное ненеобходимое суждение восприятия получает статус необходимого эмпирического суждения, то есть становится суждением опыта.

В связи с этим рассмотрим следующий пример. Пусть в солнечный день мы воспринимаем теплый камень, лежащий на льду. Очевидно, что в данном случае мы можем сформулировать следующие суждения восприятия:

(1) Когда солнце освещает камень, камень становится теплым.

(2) Когда камень лежит на льду, камень становится теплым.

Если, согласно Канту, подвести восприятия, фиксируемые в суждениях (1) и (2), под понятия «причины» и «действия», то очевидно, что мы получим два суждения опыта:

(1') Солнце нагревает камень.

(2') Лед нагревает камень.

Для анализа данного примера приведем следующее высказывание Канта: «В одной из своих частей (онтологии) метафизика содержит элементы человеческого априорного познания в понятиях и основоположениях и в соответствии со своей целью должна заключать их в себе; однако подавляющая часть их находит себе применение к предметам возможного опыта, например понятие причины и основоположение об отношении к ней всех изменений. Однако ради познания таких предметов опыта никто нигде не обращался к такой метафизике, в которой эти принципы старательно разбираются и тем не менее

часто доказываются столь неудачно, что убеждение в этих принципах, опирающееся на доказательства разума, было бы очень слабым, если бы ему не способствовали неизбежно соответствующая им деятельность рассудка во всяком опыте и постоянное подтверждение их опытом» [3, с. 240—241].

В данном высказывании Кант неявно дает оценку познавательного (научного) статуса своей метафизики природы. Действительно, посмотрим на суждения (1') и (2') сквозь «призму» этого высказывания. Согласно Канту, процедура подведения восприятий под понятия причины и действия придает суждениям о них статус необходимых высказываний. Однако не трудно понять, что хотя суждения «Солнце нагревает камень» и «Лед нагревает камень» и можно признать необходимыми, тем не менее следует констатировать, что в соответствии с вышеприведенным уточнением научного знания в науке о природе нас интересуют не просто физически необходимые суждения, а физически необходимо истинные либо физически необходимо ложные суждения. А для этого, как очевидно, необходимо подвергнуть опытной или экспериментальной проверке как суждение (1'), так и суждение (2'), в результате чего мы придем к заключению, что суждение «Солнце нагревает камень» является необходимо истинным, а суждение «Лед нагревает камень» является необходимо ложным. Но обращение в данном случае к опыту или к эксперименту свидетельствует о том, что мы покинули область метафизики и перешли в область физики, где опыт или эксперимент является той эффективной процедурой, которая, в конечном счете, и обосновывает физически необходимую истинность или ложность вышерассмотренных синтетических суждений. Отсюда следует, что для того, чтобы оставаться в онтологии как в научной метафизике, а не в физике, нам нужно априорно обосновать необходимую истинность суждений онтологии, выступающих метафизическими основоположениями физики, то есть установить необходимую истинность следующих суждений:

(3) Понятие «причина» является априорным.

(4) Причина необходимо определяет свое следствие.

(5) Понятие «причина» применимо только к предметам возможного опыта.

Хотя Кант утверждает, что «Все чистые рассудочные познания имеют в себе то (общее), что их понятия могут быть даны в опыте и их основоположения подтверждены опытом» [3, с. 150], однако непонятно, что в данном случае Кант имеет в виду под «основоположениями». Ведь очевидно, что в полном соответствии с духом кантовской метафизики чувственного основоположениями необходимости эмпирических суждений (1') «Солнце нагревает камень» или (2') «Лед нагревает камень» выступают априорные суждения (3), (4), (5), относительно которых, в силу их априорности, некорректно рассматривать опыт в качестве процедуры установления их истинности. Процедура опыта является корректной лишь по отношению к эмпирическим суждениям (1') и (2'), а для суждений (3), (4), (5) следует искать априорную процедуру установления их истинности. Но априорной процедурой установления истинности суждения, по Канту, может быть либо логическая процедура анализа содержания субъекта суждения, в результате чего устанавливается его аналитическая истинность либо внелогическая процедура конструирования понятий, входящих в суждение.

Согласно Канту, «некоторые априорные синтетические познания действительно имеются и даны нам, а именно чистая математика и чистое естествознание, потому что оба содержат положения, частью аподиктически достоверные на основе одного только разума, частью же на основе общего согласия из опыта и тем не менее повсеместно признанные независимыми от опыта. Мы имеем, таким образом, — заключает Кант, — некоторое, по крайней мере неоспоримое, априорное синтетическое познание и должны поставить вопрос не о том, возможно ли оно (ведь оно действительно), а только о том, как оно возможно…» [3, с. 89—90].

Для современной реконструкции этих мыслей Канта относительно метафизики приведем комментарий к ним, данный

В.Ф. Асмусом: «Вопрос об априорных синтетических суждениях — основной вопрос своей философии — Кант ставит поразному: в зависимости от того, идет ли речь о науке (математике и естествознании) или о метафизике. В первом случае само существование таких суждений Кант считает бесспорно установленным: речь идет не о том, существуют они в науке или нет, а о том, каким образом они возможны, то есть об их познавательных источниках... Во втором случае существование в метафизике априорных синтетических суждений вовсе не очевидно, оно еще должно быть доказано. Здесь подлежащий решению вопрос есть вопрос о том, существуют ли вообще в метафизике такие суждения...»[3].

Данный комментарий, на мой взгляд, не совсем точен. Чистое естествознание у Канта — это и есть метафизика природы (метафизика чувственного), или, проще говоря, метафизика в естествознании. Следовательно, у Канта не ставится вопрос о доказательстве существования априорных синтетических суждений в метафизике; это доказательство — тривиально и заключается в том, что при анализе субъекта суждения метафизики мы легко можем убедиться в том, что среди признаков содержания субъекта анализируемого суждения отсутствует признак, мыслимый в предикате данного суждения. Поэтому мне представляется, что в анализируемой цитате Канта речь не идет о необходимости доказательства существования априорных синтетических суждений в метафизике естествознания, как и в метафизике вообще, а об их самоочевидной аподиктической достоверности на основе только разума либо на основе их согласования с опытом.

Но самоочевидность аподиктической достоверности этих суждений как раз и вызывает сомнения. Проиллюстрируем сказанное на примере метафизических суждений (3), (4), (5). Очевидно, что обоснование аподиктической истинности этих суждений на путях анализа содержания их субъектов недос-

---

[3] См. примечание 13 к «Пролегоменам...» [3, с. 511].

тижимо, так как они являются синтетическими, а не аналитическими суждениями. Так, очевидно, что в содержании понятия «причина», представленного описанием «отношение между двумя явлениями, характеризующееся тем, что первое явление предшествует во времени второму и порождает его», не содержится признак «априорности», так что суждение (3) «Понятие "причина" является априорным», несомненно, является синтетическим. Равным образом очевидно, что в содержании понятия «причина» нет признака «необходимо всегда вызывать какое-то одно и то же действие», так что суждение (4) «Причина необходимо вызывает действие» также является синтетическим.

Наконец, в содержании понятия «причина» мы не находим признака «иметь применение только к предметам возможного опыта», поэтому суждение (5) «Понятие "причина" применимо только к предметам возможного опыта» равным образом является синтетическим.

Как известно, аподиктическая достоверность синтетических априорных суждений может обосновываться, по Канту, процедурой конструирования понятий, входящих в эти суждения. В частности, так обстоит дело, по его мнению, в математике. Однако эта процедура в данном случае неприменима, так как понятия «причина» и «действие» не поддаются конструированию; ведь конструировать понятие, по Канту, значит «показать *a priori* соответствующее ему созерцание» [1, с. 600]. Характеризуя понятие «причинности», Кант пишет, что «даже употребляя всю силу своего мышления, я не могу вывести из понятия одной вещи понятие другой, существование которой необходимо с ней связано; для этого я должен обратиться к опыту; и хотя мой рассудок дает мне *a priori* (но все же всегда лишь по отношению к возможному опыту) понятие о такой связи (понятие причинности), однако я его в отличие от математических понятий не могу представить *a priori* в созерцании и, следовательно, *a priori* показать его возможность; для того чтобы иметь априорную значимость, как это и требуется в ме-

тафизике, понятие (причинности) и основоположения его применения нуждаются в обобщении и дедукции своей возможности...» [3, с. 196].

Таким образом, становится очевидным, что Кант, в конечном счете, в качестве одной из возможных общезначимых и эффективных процедур априорного обоснования аподиктической достоверности синтетических суждений своей метафизики чувственного рассматривает процедуру дедукции ее чисто рассудочных понятий и основоположений.

В связи с этим он считает, что его дедукция чистых рассудочных понятий, в том числе и понятия «причинности», есть «действительно то систематическое, что необходимо для формы науки» [3, с. 124], а ее результаты имеются полностью в его логической таблице суждений, трансцендентальной таблице рассудочных понятий и в чистой физиологической таблице общих основоположений естествознания. В итоге Кант приходит к выводу, что на этом пути им полностью разрешена задача: как возможно чистое естествознание, то есть метафизика чувственного в статусе науки.

Однако именно эта часть учения Канта о метафизике чувственного, подробно изложенная в его «Критике чистого разума», то есть учение о дедукции рассудочных понятий, является недостаточно ясной, в чем в приложениях к «Пролегоменам...» признается и сам Кант в следующих словах: «...но изложением своим (в «Критике чистого разума». — *А.Т.*) в некоторых разделах учения о началах, например в разделе о дедукции рассудочных понятий... я не совсем доволен, так как некоторая пространность мешает здесь ясности» [3, с. 208].

Несмотря на это, Кант считает, что его «Критика» по меньшей мере содержит «весь хорошо проверенный и достоверный план, более того, даже все средства, необходимые для создания метафизики как науки; другими путями и средствами она невозможна» [3, с. 190]. А этот план содержит «весь состав априорных понятий, разделение их по различным источ-

никам: чувственности, рассудку и разуму; далее представление исчерпывающей таблицы этих понятий и их расчленение со всем, что отсюда может быть выведено; затем главным образом возможность априорного синтетического познания посредством дедукции этих понятий, принципы их применения и, наконец, их границы, и все это в полной системе» [3, с. 190]. В данном случае речь идет о метафизике в полном объеме, то есть о метафизике чувственного и сверхчувственного. Специфика этого утверждения состоит в том, что Кант говорит о научности метафизики чувственного и ненаучности метафизики сверхчувственного.

Однако вряд ли можно согласиться и с научностью метафизики чувственного, так как нет никаких оснований рассматривать трансцендентальную дедукцию в качестве эффективной и общезначимой процедуры, которая конечным числом общезначимых и ясных шагов позволяет обосновать необходимую истинность основополагающих априорных синтетических суждений его онтологии. Напомним, что под трансцендентальной дедукцией Кант имеет в виду «объяснение того, каким образом (чистые рассудочные. — *А.Т.*) понятия могут *a priori* относиться к предметам» [1, с. 182]. Однако любая дедукция предполагает вывод одних высказываний из других по корректным правилам логического вывода. Вместе с тем в изложении Канта трансцендентальная дедукция вообще не имеет пошаговой структуры, основанной на четко осознаваемых правилах. Эта дедукция чистых рассудочных понятий занимает в «Критике» 35 страниц сплошного текста, разбитого лишь на разделы и параграфы, и читателю остается только фантазировать, по каким правилам эти понятия в каком-то смысле дедуцируются из чего-то предшествующего.

В итоге можно заключить, что аподиктическая достоверность основоположений метафизики чувственного в системе Канта на основе разума не достигнута, что дает основание квалифицировать ее в статусе теории, репрезентирующей веру.

Список литературы

1. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1965.

2. *Кант И.* О вопросе, предложенном на премию Королевской Берлинской академии наук в 1791 году: Какие действительные успехи сделала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа? // Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966.

3. *Кант И.* Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука. 1783 // Кант И. Сочинения: В 6 т. Т. 4(1). М.: Мысль, 1965.

4. *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: становление и развитие: Антология. М.: Прогресс-Традиция, 1998.